

Александр Шохов
Умереть в сорок пять
Черная комедия

Сюжет этой комедии полностью вымышлен. Имена героев не являются именами реальных людей. Все ситуации, описанные далее, не имеют ничего общего с реальностью. Названия государств и учреждений условны и случайны, и лишь ненамеренно могут совпадать с реально существующими названиями, цитируемое законодательство является плодом фантазии автора. Иными словами, в этом тексте нет ни слова правды. Поэтому у Вас нет ни одной причины его читать.

Трагедии случаются в каждой семье. Рано или поздно все мы теряем близких. Но никакая семья не бывает к этому готова. Я потерял своего младшего брата 5 января. Среди ночи меня разбудила звонком его плачущая жена Марина:

— Максим! Сергей умер, — сказала она охрипшим голосом.

— Как?! — спросил я спросонья, еще не готовый осознать эту новость.

— Я проснулась, а он не дышит. Я вызвала скорую. Они сказали, что смерть наступила около часа назад.

— Боже мой!

Третьего января моему брату исполнилось сорок пять лет. Был заказан скромный банкет в ресторане, собрались я, моя супруга Альбина, Сергей с Мариной, детьми и тещей, Екатериной Игнатьевной. У Сергея и Марины двое детей, шестилетний Борис и трехгодовалая Леночка. И все было так хорошо и спокойно в тот вечер... Мы подарили Сергею подарки, сказали ему множество теплых слов... И вдруг, в ночь на пятое января, он умирает.

Марина плакала в трубку, а я все еще не мог осознать услышанного.

— Что случилось? — спросила проснувшаяся рядом со мной Альбина.

— Сергей умер, — сказал я.

Альбина подскочила на кровати.

— Скажи Марине, что мы едем к ней прямо сейчас.

— Марина, ты слышала? Мы едем к тебе.

Пока мы в спешке собирались, я вспоминал, что я знаю о процедуре организации похорон. Как выяснилось, знал я немного.

Сергей был гражданином России, а я, и все уже упомянутые мною родственники, имеем украинское гражданство. В Украине Сергей проживал по так называемому «Временному свидетельству на постоянное проживание в Украине», который в обиходе чаще называют «видом на жительство». Я вспомнил это, пока одевал джинсы. «Интересно, — подумал я, — какие будут сложности с оформлением бумаг». Почему-то в минуты, когда узнаешь о чем-то по-настоящему трагическом, в голову всегда лезет подобная ерунда. Может быть, таким образом, наш ум пытается отвлечь нас от ужаса происходящего, и мы, чтобы защитить себя от факта потери близкого человека, начинаем занимать себя мыслями о документах и бумажной волоките? Я помню, когда у меня на руках умер отец, я беспокоился о том, как найти в его квартире деньги, чтобы

отблагодарить врачей скорой помощи. А потом приехал Сергей. Приехал очень быстро. В последний месяц мы с ним по очереди дежурили у постели умирающего отца, сменяя друг друга. Были оба очень уставшими и измотанными бесконечными больницами, докторами, процедурами, уколами... И пониманием, что все это бессмысленно, потому что смерть уже смотрела на нас сквозь его зрачки.

Через пятнадцать минут мы вошли в квартиру Сергея. По какой-то причине, там было удивительно многолюдно. В спальне находились два милиционера. С ними двое незнакомых людей. Они осматривали тело Сергея и зачем-то трогали все предметы в спальне. Врач скорой помощи торопливо заполнял документы, присев за журнальный столик в гостиной. В коридоре у гардеробной комнаты смиренно ожидали внимания двое парней в темных костюмах.

— Кто эти люди? — спросил я у Марины.

— Это сотрудники похоронного бюро, — сказала Марина, показывая на двух парней в темных костюмах. — А там милиционеры с понятыми. Их врач скорой зачем-то вызвал. Сказал, что такова процедура.

— Быстро приехали, — сказал я. — Дети спят?

— Да.

Мама Марины, Екатерина Игнатьевна, выглянула из своей спальни.

Увидев нас, она расплакалась и подошла к нам.

— Макс, дорогой, как же это несправедливо! — сквозь всхлипы произнесла она, обнимая меня. — Альбина, спасибо, что приехали.

Слова для тещи Сергея у меня как-то не находились. Не знаю я, как словами помочь людям, переживающим такую потерю.

Старший лейтенант (видимо, следователь) высунул свою русую голову из двери спальни и спросил:

— Марина Петровна, можно Вас спросить?

Марина зашла в спальню, и двери ненадолго закрылись. Потом Марина вышла, и на ее лице было написано беспокойство.

— Что они сказали? — спросил я.

— Сказали, что смерть, скорее всего, не вызвана естественными причинами.

— Что это значит?

— Я не знаю, Макс.

Через открытую дверь спальни я видел, что милиционеры берут подписи у понятых. Затем понятые вышли из квартиры. А милиционеры подошли ко мне. Они были похожи друг на друга, как будто вылепленные по одному шаблону. Светловолосый и чуть более высокий старший лейтенант и темноволосый лейтенант. Глаза у обоих были серого цвета и лица украшали абсолютно правильные по форме носы.

— Вы кто будете покойному? — спросил лейтенант.

— Брат.

— Выражаем соболезнования, — сказал второй милиционер. — Разрешите представиться. Старший лейтенант Онищенко.

— Лейтенант Михайлов.

— Меня зовут Макс.

— Максим Валерьевич? — уточнил лейтенант.

— Да.

— Можно ли задать Вам несколько вопросов? — спросил старший лейтенант.

— Да, — сказал я.

Мы прошли на кухню.

— Вы когда в последний раз видели покойного? — лейтенант достал и положил на стол включенный диктофон.

А сам пристроился на столе с бумагой и ручкой, готовясь за мной записывать. Я насторожился.

— А, собственно, в связи с чем вопросы?

— Просто вопросы, — сказал старший лейтенант.

— Дело в том, что если Вы меня опрашиваете как свидетеля, то я должен понимать, в связи с чем.

— Не все ясно со смертью Вашего брата, — сказал лейтенант. — Есть основания предполагать, что смерть не была вызвана естественными причинами.

— Вы подозреваете убийство?

— Пока подозрений нет. Но все версии необходимо проверить, — пояснил старший лейтенант. — Поэтому прошу Вас ответить на наши вопросы.

— Хорошо. Я видел Сергея в последний раз третьего января, мы отмечали его сорокапятилетие.

— С тех пор созванивались?

— Да, я звонил ему вчера, четвертого января.

— О чем Вы говорили? — спросил лейтенант.

— О том, как хорошо прошел праздник. О том, что, может быть, пора Сергею поменять машину. О планах на седьмое января. Мы хотели поехать ко мне на дачу.

— И ничего подозрительного Вы не заметили?

— Нет. Все было совершенно нормально. А что говорят медики?

— Сердечный приступ. Но Вы же понимаете, что он может быть вызван разными причинами. Как у Сергея были дела на работе?

— Все было в порядке. У него своя фирма. И дела шли неплохо.

— Вы были партнерами по бизнесу?

— Нет. Я архитектор. И по делам мы никак не соприкасались.

— Ну хорошо. Мы Вас пока не задерживаем. Но после результатов вскрытия могут появиться новые подробности.

— Вскрытия? А Марина дала согласие?

— В данном случае ее согласие не требуется. Наши патологоанатомы должны все проверить.

— Нет-нет, я возражаю.

Старший лейтенант с удивлением посмотрел на меня.

— Почему Вы возражаете? — спросил он.

— Ни о каком вскрытии речь идти не может.

— Сердечный приступ у здорового мужчины в сорок пять лет просто так не случается, — спокойно пояснил старший лейтенант. — Мы вернемся позже и заберем

тело. Патологоанатомы проведут вскрытие, чтобы установить причину смерти. Вдруг Вашего брата кто-то убил?

— Ну хорошо, — сказал я. — Только это какая-то нелепость. Не было никого, кто мог бы желать зла Сергею. Он был очень порядочный и честный человек.

— Мы учтем Ваше мнение, — сказал старший лейтенант. — Телефончик свой запишите вот здесь, пожалуйста.

Он пододвинул ко мне по скатерти листок, на котором записывал мои ответы, и авторучку. Я записал свой мобильный телефон.

— И из города никуда не уезжайте пока, — попросил меня лейтенант.

— Вот мой телефон, — сказал старший лейтенант.

В моем нагрудном кармане оказалась визитка милиционера. Я кивнул. Они подошли к врачу скорой помощи, взяли у него какой-то документ, а потом покинули квартиру. У меня возникло очень неприятное чувство после нашего разговора. Я начал подозревать, что милиционеры просто ищут повод выставить мне крупный денежный счет. Мне рассказывали о ситуациях, когда милиция фальсифицирует уголовные дела, и начинает тиранить родственников умерших, требуя от них взяток за закрытие дела. Возможно, это тот самый случай? Или это опять в голову лезет всякая защищающая психику ерунда?

Марина подошла ко мне и спросила:

— Что?

— По-моему, милиция просто хочет заняться вымогательством. Но еще не нашли веского повода. Они собираются делать вскрытие.

— Я не дам! — сказала Марина. — Ни за что!

— Они сказали, что наше согласие не требуется.

Врач скорой как раз проходил мимо нас, тоже собираясь покинуть квартиру.

— Подождите, доктор, — сказал я. — Что Вы думаете о смерти моего брата?

— Скорее всего, сердечный приступ. Но этиология приступа неясна. Супруга сказала, что на сердце он никогда не жаловался.

— И теперь милиция будет делать вскрытие? — спросил я.

— Скорее всего. Такова процедура. Извините, у меня следующий вызов.

Врач скорой помощи вышел за дверь. Сотрудники похоронного бюро продолжали молча и скорбно стоять в углу, неподвижные, словно две статуи.

— Он не жаловался на здоровье вечером? — спросил я.

— Нет, — Марина подняла на меня полные слез глаза. — Только попросил налить ему воды. Я налила. Милиция эту воду забрала как улику.

— А если они сейчас в эту воду добавят какую-нибудь дрянь и отнесут в свою лабораторию? — спросил я.

— Ты думаешь, они могут так сделать?

— Могут, Марина. Это же милиция. Они так зарабатывают себе на жизнь.

— Боже мой! Но я же не могла не отдать им эту воду!

— Ладно, не переживай. Мы как-нибудь решим эту проблему. А что еще они взяли?

— Я не знаю. Брали много разных вещей из нашей спальни. Я не следила.

— Ты, главное, не волнуйся. Все разрешится.

Марина растерянно села на кушетку у входной двери.

— Что же мне теперь делать? — сказала она. — И как я Борьке и Леночке объясню все это?!

— Мы им вместе все объясним. Хорошо?

Марина покивала головой и уткнулась лицом в ладони. Альбина, которая была в комнате Екатерины Игнатьевны, вышла в коридор. Увидев плачущую Марину, подошла к ней, села рядом, обняла. На них было больно и жалко смотреть. Я пошел в спальню, где на кровати лежал прикрытый простыней Сергей. Брат, как же так? Ты же на три года меня младше, и вот как все вышло!

У меня даже слез не было, когда я на него смотрел. Просто внутри все рвалось и сжималось какими-то комками, похожими на грязную газету.

Двое сотрудников похоронного бюро вошли в комнату следом за мной.

— Мы готовы оказать Вам все необходимые услуги, — сказал один из них. Голос у него был такой же тусклый и бесцветный, как и он сам.

— Да, хорошо, — сказал я.

— Вам нужно получить справку о причине смерти, она будет после вскрытия. Потом Вы можете позвонить нам и мы начнем подготовку к похоронам.

— Понятно, — кивнул я, хотя слушал его очень невнимательно, он казался мне просто ненужным, раздражающим фактором.

Они еще что-то говорили, но я просто перестал их слушать. Потом они ушли, оставив в моих руках черную визитную карточку.

Я не знаю, как пролетели несколько этих ночных часов до утра. Мы все о чем-то говорили друг с другом, звонили родственникам в Россию, снова говорили... Я позвонил сыну в Киев, сообщил, что дядя Сергей скончался. Мой сын Антон, как и я, не знал, что сказать. Наконец, он попросил сообщить дату похорон, и я пообещал позвонить, когда все определится.

Потом проснулись дети. И мы с Мариной, как смогли, объяснили им, что их папа больше не живой. Дети внимательно выслушали нас, Марина завела их в комнату, где лежал усопший. Борька смотрел на папу, нахмурившись. А Леночка испугалась и заплакала.

Марина беспокоилась о том, что надо срочно оформить свидетельство о смерти. Мы знали, что это делается в ЗАГСе. Поэтому в девять утра я, взяв документы Сергея и сложив их в сумку, которая принадлежала моему брату, поехал в ЗАГС. Отстояв небольшую очередь, я вошел в кабинет. За столом сидела женщина с очень толстым задом, на голове которой возвышался вал из волос. Я вспомнил, что в фильмах 1960-х годов женщины носили такие высокие прически, как будто в их волосах спрятана банка из-под растворимого кофе. Возможно, это был тот самый случай.

— Доброе утро, — сказал я. — У меня брат умер. Нужно свидетельство о смерти.

— Документы, — сказала женщина.

Я протянул вид на жительство, свидетельство о рождении, заграничный паспорт гражданина Российской Федерации и два документа, оставленных доктором скорой помощи, на которых было написано что-то очень неразборчивое.

— А Ваш паспорт?

— У меня только права с собой.

— Нужен Ваш паспорт.

— Хорошо. Я привезу. Потом.

— Справка о причине смерти отсутствует.

— Доктор скорой все выписал, я же Вам передал...

— Это не справка о причине смерти. Здесь написано, что будет вскрытие. Когда получите справку о причинах смерти, приходите.

— Ладно, — сказал я.

— У Вашего брата вид на жительство просрочен, — сказала женщина.

— Как? — спросил я.

— Ему же сорок пять лет исполнилось 3 января. В сорок пять необходимо поменять вид на жительство на новый.

— Но он просто не успел, понимаете? Он умер.

— Я не смогу засвидетельствовать его смерть по недействительному документу, — сказала женщина, и посмотрела мне в глаза.

Я увидел в этих глазах холодный металлический блеск, какой иногда бывает у мертвой рыбы, если повернуть ее глаза к свету.

— Такое впечатление, будто бы Вы не людям оказываете услугу, а их документам, — сказал я.

— Мужчина, что Вы себе позволяете? Я вообще-то тут услуг никаких не оказываю. Я выполняю свою работу. И я работаю с документами как положено, по установленной процедуре.

— Но ведь это абсурд, — сказал я. — Неужели Вы не выписываете свидетельство о смерти всем, кто умер в сорок пять и не успел обменять документы?

— Если бы Ваш брат был гражданином Украины, мы бы выдали свидетельство о смерти на основании даже просроченного паспорта. Но он иностранец, проживающий в Украине постоянно. Это совершенно другой юридический статус.

— Теперь он не проживает в Украине постоянно. Теперь он постоянно мертвый.

— Я по-человечески Вас понимаю, — сказала женщина, поворачивая из стороны в сторону с хрустом и щелканьем свою толстую шею. — Но сделать ничего не могу.

— Насколько я знаю, он пользуется всеми правами, как и гражданин Украины.

— Да, это написано в законодательстве. Но у нас с 1 января введены новые правила, в соответствии с которыми работа по просроченным документам для иностранных граждан не проводится.

— И что мне делать?

— Обратитесь в ОВИР. Там скажут, как поступить в Вашей ситуации.

— Хорошо, — сказал я, собирая с ее стола документы.

— И, кстати, Вам надо поторопиться. Потому что загранпаспорт у него действителен до 11 января. А внутренний паспорт гражданина РФ тоже уже недействителен в связи с сорокапятилетием.

— Понятно, — сказал я, выходя из ее кабинета.

Позвонив Марине, и выяснив, где находится центральный ОВИР, я направился туда. В ОВИРе вежливая девушка-секретарь сообщила, что мне нужно обратиться в районный ОВИР, и дала адрес.

Я вернулся к машине, и поехал. В районном ОВИРе была очередь. И немаленькая. Она выходила на лестницу, ведущую на второй этаж, и длинной разноцветной змеей спускалась до первого этажа.

— Кто последний, – спросил я, – по вопросу обмена вида на жительство?

— Здесь все по разным поводам, – пояснил меланхоличный старичок в старом драповом пальто и клетчатой кепке. – Я, например, насчет получения загранпаспорта.

— А остальные? – спросил я.

— Мужчина, все по разным вопросам, – сказала женщина в грязно-коричневом пуховике. Тут получают внутренние паспорта, берут справки для ЗАГСа, меняют фамилию... Так что стойте спокойно. Будете внутри, найдете нужный кабинет.

— Спасибо, – сказал я.

Я провел минут двадцать на этой лестнице, медленно поднимаясь по ней, ступенька за ступенькой, а потом еще целый час стоял в душном коридоре, наполненном кашляющими и чихающими людьми. Коридор был таким узким, что два человека могли в нем разойтись только боком. Стены были обшиты дешевой пластиковой белой вагонкой, местами потрескавшейся и обломанной, двери были покрашены в темно-бордовый цвет, они были старыми, деревянными, поэтому в некоторых местах разошлись, так что сквозь щели можно было видеть, что происходит в кабинетах, если занять правильную позицию напротив.

Пока я ожидал, я изучил все пыльные распечатки, висящие на стенах. В частности, список необходимых документов для замены вида на жительство.

Наконец, я вошел в заветную дверь с номером «1». С первого взгляда инспектор ОВИР мне даже понравился: это была женщина примерно пятидесяти лет с очень уверенными движениями и твердым взглядом карих глаз. По всей видимости, опытный сотрудник. Я подумал, что с ее помощью наверняка смогу разрешить возникшее недоразумение. Я рассказал, по какому поводу пришел.

— Значит, говорите, умер? – уточнила инспектор.

— Да, сегодня ночью.

Она что-то посмотрела в своем компьютере, потом загрузила другой файл, снова посмотрела.

— К сожалению, он не подавал нам документы на обмен вида на жительство. У него уже нарушение. По действующим правилам, которые вступили в силу с 1 января текущего года, он должен был за пятнадцать дней до истечения срока действия вида на жительство явиться к нам лично и подать заявление.

— Но ведь 1 января были праздники. А день рождения у него 3-го января. Если бы он пришел к Вам в декабре, новые правила тогда еще не вступили в силу.

— Ну да, ну да... Как человек, я Вас понимаю. Но как чиновник, я не смогу принять у Вас документы на обмен вида на жительство, пока Ваш брат не заплатит административный штраф 510 гривен.

— Подождите, Вы не понимаете, наверное... Какой штраф? Какой обмен вида на жительство? Он же умер!

— У Вас же нет свидетельства о смерти.

— Именно поэтому я к вам и пришел. Свидетельство о смерти не выдают, поскольку просрочен вид на жительство.

— Пока нет свидетельства о смерти, юридически, по документам, Ваш брат жив.

— То есть, Вы хотите сказать, и Вы не шутите, что для получения свидетельства о смерти, мой мертвый брат должен получить новый вид на жительство?

— Я понимаю Вашу неуместную иронию. Но есть процедура. И необходимо этой процедуре следовать, — изрекла инспектор. — Другого варианта нет.

— Хорошо, — я решил смириться с абсурдом, и посмотреть, к чему это приведет. — А какова процедура?

— Во-первых, Вам нужно сделать перевод загранпаспорта Вашего брата и нотариально его заверить. Во-вторых, Вам нужно принести три фотографии Вашего брата размером 35 на 45 миллиметров, лицо должно занимать 70% площади фотографии. Можно цветные, можно черно-белые фото. Можно матовые и глянцевые. В-третьих, Вашему брату необходимо лично подписать заявление, ну с этим я помогу, мы распечатаем готовую форму. В-четвертых, Вам нужна справка из ЖЭКа о составе семьи. В-пятых, нужна копия вида на жительство Вашего брата, ее можно не заверять. И, в-шестых, нужна квитанция об оплате штрафа 510 гривен. Да, еще надо оплатить сам вид на жительство, там четыре платежа, которые в сумме составляют 460 гривен. Да, еще одно. Нам теперь не дают доступ к базе МВД, поэтому Вам нужно будет подъехать в Александровский переулок, дом пять, и взять там справку о несудимости Вашего брата. Вот перечень перечисленных документов.

Инспектор протянула мне распечатку.

— Но чтобы собрать все эти документы, потребуется время, — сказал я. — А ведь он мертв, и его нужно похоронить.

— Я понимаю. Поторопитесь. Потому что с 6 января начинаются праздники. И завтра у нас не приёмный день. Мы будем принимать только девятого января. Вообще документы всегда лучше оформлять заранее.

— Я сделаю все возможное, — заверил я. — Но если я не успею, что же, его семья будет жить с трупом в квартире неделю или больше?!

Казалось, инспектор совершенно не услышала моих слов.

— По закону Ваш брат должен лично прийти и подать эти документы, — сказала она.

— Но он же...

— Я помню, — сказала инспектор. — Все равно, он должен прийти лично. Такова процедура. Вам понятно?

— Понятно.

— Собирайте документы и приходите.

— А сколько займет оформление нового вида на жительство?

— По закону от двух до трех недель.

— Для мертвых тоже? Быстрее нельзя?

— Мы всего лишь исполняем закон, — улыбнулась инспектор. — Я бы помогла Вам, если бы могла. Но наш районный ОВИР только собирает документы, а оформление вида на жительство происходит в центральном ОВИРе, и там Вы будете получать новый документ.

Ее официальная улыбка была столь неуместной, что мне стало по-настоящему жутко. Я вышел из кабинета, спустился по лестнице, заполненной стоящими в очереди людьми, вышел на улицу. Мое сердце билось учащенно. Я никак не мог осознать, что же произошло. Может быть, я сошел с ума от горя? Или мой брат жив-здоров, а все это — дурной сон? В конце концов, они все уверяют меня, что юридически Сергей жив. Я встряхнул головой, ущипнул себя за руку. Нет. Не сон. Реальность. И как я буду объяснять все это Марине?

Я позвонил Альбине.

— Дорогая, тут полный ужас, — сказал я. — Сергею, чтобы получить свидетельство о смерти, и место на кладбище, надо получить новый вид на жительство. И необходимо вскрытие, чтобы получить справку о причинах смерти.

— Ты уверен, что других вариантов нет? — спросила Альбина.

— Уверен.

— Но это же абсурд. Они что, сейчас Марину будут в убийстве обвинять?

— Я не знаю. Сейчас я поеду делать нотариальный перевод загранпаспорта Сергея и закажу справку о несудимости. Постараюсь приехать побыстрее.

— Только ты не нервничай, Макс. Не хватало еще, чтобы у тебя приступ случился.

— Я хотел попросить тебя сходить в ЖЭК, получить справку о составе семьи. Она нужна для пакета документов на вид на жительство. Может, сходите вместе с Мариной?

— Я поговорю с ней, — сказала Альбина.

Я заехал в бюро переводов, заказал нотариально заверенный перевод заграничного паспорта Сергея. При этом приятная брюнетка в бюро переводов спросила меня:

— Вам заверять только перевод паспорта или копию паспорта? Или и то и другое?

— Я не знаю, — признался я. — Делайте по максимуму.

— Хорошо, тогда сделаем и то, и другое. Это обойдется Вам в сто пятьдесят гривен.

— И можете сделать еще копию вида на жительство? Ее заверять не надо.

— Конечно. Это будет бесплатно, — улыбнулась девушка, делая копию. —

Приходите через час.

Бюро переводов располагалось в центре города, поэтому я решил зайти в центральный ОВИР, чтобы оплатить новый вид на жительство Сергея. Благо, идти было всего три квартала.

Женщина, сидящая на входе, строго посмотрев на меня, спросила:

— Вы куда?

— Оплатить, — сказал я.

— Касса откроется в четырнадцать ноль-ноль.

Я взглянул на часы. Было 12:53.

— Если перерыв с часу до двух, то есть еще семь минут, — сказал я.

— У кассы перерыв с половины первого, — изрекла женщина.

Я вышел на улицу. По улице шли беззаботные люди. Знают ли они, что будет с ними, если они умрут на третий день после своего сорокапяtilетия? Видимо, не знают. И не думают об этом. Мы все стараемся не думать о том, как нас будет унижать бюрократическая система, пока не оказываемся в ситуации, когда вынуждены с ней соприкоснуться.

Я направился в Александровский переулок, где нужно было заказать справку о несудимости.

С трудом найдя дверь, на которой висела табличка «Информсервис. Выдача справок о судимости/несудимости», я вошел внутрь. В передней комнате за столом сидел невысокий усатый мужчина, очевидно, недавно снявший с себя милицейскую форму.

— Нужна справка о несудимости, — сказал я.

— Копии документов сделали?

— Есть копия вида на жительство.

— Хорошо. Давайте ее сюда. Вот бланк заявления. Заполняйте.

Передо мной на стол легло заявление. Я вписал данные Сергея.

— Что дальше? — спросил я.

— Если хотите справку в течение одного дня, то сто пятьдесят гривен, в течение трех дней сто гривен.

— Нужно быстро. Когда будет готова?

— Завтра в четыре часа дня. Не опаздывайте. В пять нас уже не будет. Сами понимаете, сочельник.

— Понял.

— А почему он сам не пришел?

— Он умер.

— Умер?

— Теперь, чтобы получить свидетельство о смерти, он должен получить новый вид на жительство, ему исполнилось 45 лет 3 января.

— Понимаю. Вот Вам реквизиты платежа. Можете оплатить в любом банке. Квитанцию сейчас мне принесите.

— Принесу, — сказал я, выходя на улицу.

Очевидно, городское УВД сделало себе фирмочку-кормушку. Сколько людей сюда приходят за справками? Пусть двадцать человек в день. С каждого по сто пятьдесят гривен, получается в день 3000 гривен. За 20 рабочих дней набегает 60 тысяч гривен. Неплохой куш, который можно раздерибанить. Ежемесячная премия, так сказать. Кстати, в ОВИРе в списке документов, висящих на стене, нет справки о несудимости. Думаю, ее нет и в законодательстве. Получается, что нас, рядовых граждан, просто нагло обворовывают, торгуя информацией из базы данных, которая должна быть доступна всем государственным органам совершенно бесплатно. Как все это мерзко, господи боже мой! И они собираются отмечать рождество Христово, как будто бы занимаются самым что ни на есть праведным и благородным делом, полностью совместимым с христианской этикой и моралью.

Я зашел в ближайший банк.

— Комиссия 10 гривен, — сказала кассир. — Будете платить?

— Конечно.

Это еще одна разновидность грабежа граждан. Установить комиссию за платеж не в процентах от платежа, а фиксированную, и достаточно высокую. Банки зарабатывают на этом миллионы гривен в месяц. Я расписался в квитанции, и пошел обратно к усатому сотруднику «Информсервиса».

— Вот квитанция, — сказал я.

— Хорошо. Держите Ваш квиток. Приходите завтра в указанное время, не опаздывайте.

Пока я шел в бюро переводов, позвонила Альбина.

— Дорогой, — сказала она. — Я была в ЖЭКе, взяла справку о составе семьи. А Марина мне только что позвонила, сказала, что приехали те самые милиционеры, хотят Сергея забрать на вскрытие. Что делать?

— Пусть подождет меня. Мне самому ей перезвонить?

— Я уже вхожу в подъезд. Ты веди осторожно, ладно?

— Ладно. Буду осторожен.

Войдя в бюро переводов, я встретил взгляд девушки, которая принимала у меня загранпаспорт Сергея.

— Ну что? Готово?

— Пока нет. Нотариус не отдает Ваши документы. Надо подождать еще минут десять.

— Я погуляю, — сказал я.

Я направился в центральный ОВИР. Было уже без десяти два, и мне хотелось быть первым в очереди в кассу. И мне это удалось. Первое маленькое достижение за сегодняшний день. Я подошел к кассе на втором этаже как раз, когда открылось заветное окошечко.

— Мне нужно оплатить замену вида на жительство брата по причине его сорокапятилетия, — сказал я.

— Четыреста шестьдесят гривен, — сказала кассир. — И документ, чтобы я правильно набрала фамилию.

Я протянул вид на жительство Сергея и положил в окошечко кассы деньги. Принтер долго выпечатывал длинную бумажную ленту, которую кассир проштамповала в четырех местах, поставила подписи.

— Ваши подписи нужны там, где галочка.

Пока я подписывал квитанции, за мной уже выстроилась очередь, не меньше десяти человек.

Я сложил длинную бумажную ленту в несколько раз, сложил в сумку с документами, и покинул здание ОВИРа.

Девушка в бюро переводов отдала мне заверенные нотариусом копии, и я поехал к Сергею.

Дорога заняла двадцать пять минут. Когда я вошел, то сразу понял, что между милиционерами и женщинами была серьезная стычка. Два санитара с носилками стояли в том углу, где ночью ожидали своей очереди сотрудники похоронного бюро. Все были раскрасневшиеся и бросали друг на друга агрессивные взгляды.

— Я вас могу арестовать за препятствование сотруднику милиции, — несколько обиженно говорил старший лейтенант Онищенко Марине, когда я вошел.

— Успокойтесь, старший лейтенант, — сказал я. — Я знаю, что Вы должны забрать тело моего брата на вскрытие. Но тут выяснились некоторые законные обстоятельства, по которым Вам придется это отложить.

— В связи с чем? — спросил старший лейтенант?

— Дело в том, что Сергею, чтобы получить свидетельство о смерти, нужна не только справка о причине смерти, которая появится в результате вскрытия, но и новый вид на жительство, взамен недействительного.

— И что? — спросил старший лейтенант.

— Порядок таков, что человек должен лично подать документы на замену вида на жительство. Поэтому сначала Сергея заберу я, мы с ним поедem в ОВИР. Когда подадим документы, я Вам позвоню.

— Я понимаю, причина уважительная, — сказал старший лейтенант Онищенко. — Но почему Вы не сообщили мне раньше? Мы целый час тут ждем.

— Вы сами могли бы мне позвонить вместо того, чтобы устраивать скандал с женщинами, — ответил я.

Старший лейтенант бросил на меня злобный взгляд:

— Я делаю то, что положено. Работа у меня такая.

— Так Вы позволите мне взять с собой Сергея в ОВИР? — спросил я.

— Конечно. Уходим.

Милиционеры ушли. Санитары с носилками молча последовали за ними.

Когда дверь закрылась, я встретил недоуменные взгляды Марины, Альбины и Екатерины Игнатъевны.

— Макс, что происходит? — спросила Екатерина Игнатъевна.

Я начал рассказывать. Когда рассказал все, на лицах женщин были написаны ужас и безразличность. Похоже, мой рассказ поверг их в шок. Пока они молчали, Альбина протянула мне листочек бумаги с печатью.

— Макс, вот справка из ЖЭКа, — сказала она. — Три очереди отстояла: к паспортистке, в бухгалтерию и к начальнику ЖЭКа.

— Они что, совсем с ума посходили!?! — сказала, приходя в себя, Екатерина Игнатъевна. — Я немедленно звоню своему однокласснику. Он крупный чиновник в прокуратуре.

Екатерина Игнатъевна скрылась в своей комнате.

— Марина, нужны фотографии Сергея 35 на 45 миллиметров. У тебя есть?

Марина отрицательно покачала головой.

— Может быть, мама сейчас все решит, — сказала она.

Екатерина Игнатъевна торжествующе вышла в коридор.

— Поехали! — сказала она. — Он ждет.

— Я с вами, — сказала Альбина.

— А ты, Марина, поедешь? — спросил я.

— Останусь.

На Марину было очень больно смотреть. Мы спустились во двор, к моей машине.

— Макс, знаешь, где прокуратура? — спросила Екатерина Игнатьевна.

— Знаю.

— Вот туда. И побыстрее.

Мы поднялись на второй этаж помпезного здания сталинской постройки и нашли кабинет с номером 25. Екатерина Игнатьевна постучала.

— Входите! — донеслось с той стороны двери.

Мы вошли. Нам навстречу поднялся лысеющий, но стройный и подтянутый полковник.

— Здравствуй, Стасик! — сказала Екатерина Игнатьевна.

— Катюша! Очень рад тебя видеть! Конечно, повод нерадостный. Но приятно встретить старую подругу.

— Да, дело у нас не очень приятное, — согласилась Екатерина Игнатьевна.

Усадив нас на стулья, полковник вопросительно поднял взгляд на Екатерину Игнатьевну.

— Тут такое дело. Мой зять умер сегодня ночью. Ему 3 января исполнилось 45 лет. Он гражданин России, и живет в Украине по виду на жительство. А сейчас нам не выдают свидетельство о смерти, потому что он не успел обменять свой вид на жительство.

— Ну да, сорок пять лет, нужно менять документ, — подтвердил полковник.

— Но ведь он уже умер. Может быть, возможно каким-то образом похоронить его с недействительными документами? — спросила Екатерина Игнатьевна.

— Катя, я все понимаю. Но мы все только исполняем закон. И если законом какая-то ситуация не предусмотрена, мы обязаны свести ее к одной из предусмотренных ситуаций.

— Так что же нам делать, Стас?

— Я сейчас проконсультируюсь с коллегами. А вам пока чай организую. Хорошо?

— Хорошо, — кивнула Екатерина Игнатьевна.

Полковник гибко вскочил со стула, и в одну секунду оказался за дверью своего кабинета. Мы молчали. Через минуту или две в дверь вошла красивая девушка с большим подносом, на котором стояли чашки, ароматно пытящий заварник и позванивающий крышкой доливочный чайник, а посередине стояли три вазочки: с конфетами, печеньем и сухофруктами.

— Добрый день, — сказала девушка. — Станислав Михайлович распорядился Вам чай сделать.

— Спасибо, милая. Мы сами нальем, — сказала Альбина.

Девушка улыбнулась и скрылась за дверью.

Вспомнив, что я не завтракал, я налил себе чаю и начал уплетать принесенные сладости. Екатерина Игнатьевна и Альбина едва прикоснулись к своим чашкам.

Полковника не было довольно долго. Я истребил все печенье, и уже доедал сухофрукты, когда Станислав Михайлович появился на пороге своего кабинета.

— Проконсультировался, — сказал он, сев за свой рабочий стол. — Можно мне тоже чайку?

Екатерина Игнатьевна налила ему чаю и подала чашку. Полковник жадно глотнул ароматного напитка, и изрек:

— Ничего сделать нельзя. Надо получать новый вид на жительство. Другой процедуры не существует.

— Может быть, кто-то все-таки может принять решение? — осторожно спросила Екатерина Игнатьевна.

— Случай нестандартный, — покачал головой полковник. — Смелость принимать такие решения на себя никто не возьмет. Мы же исполнители. Нам пишут законы, а мы исполняем, понимаете? Не можем мы принимать решения, которые за рамками закона. Нас же в коррупции всех обвинят. Выговоры объявят. С работы уволят...

— Станислав Михайлович, — сказал я. — Инспектор в ОВИРе настаивала, чтобы мой умерший брат лично подал документы.

— Ну вот с этим я могу помочь, — удовлетворенно сказал полковник. — Выделим Вам двоих бойцов, которые будут Вашего брата помогать транспортировать, раз уж он сам по жизненным показаниям передвигаться не может.

Полковник позвонил, отдал распоряжение, и мы покинули здание прокуратуры в обществе двух молодых милиционеров, рядового и ефрейтора. Ефрейтора звали Евгений, поэтому он постоянно командовал более молодым рядовым Василием. Усевшись в пятером в мою машину, мы поехали в Серезину квартиру.

Екатерина Игнатьевна, хотя, видимо, и хотела высказаться по поводу всей этой ситуации, молчала в присутствии молодых милиционеров.

— Альбина, — спросил я. — Ты не помнишь, где можно фотографии на документы сделать?

— В соседнем доме есть фотоателье, — сказала Альбина. — Вон, видишь, справа проехали.

Я увидел.

— Надо будет Сергея на вид на жительство сфотографировать.

— Жуть какая! — сказала Альбина.

— Выхода нет, — мрачно заметил я. — Иначе не дадут нам похоронить его.

Мы вышли из машины.

— В общем так, бойцы, — сказал я. — Я сейчас все объясню жене покойного, а потом Вы возьмете моего брата Сергея, и поедем его на документы фотографировать.

— Так точно, — сказал ефрейтор, бегая глазами.

— Боязно? — спросил я.

— А то! — сказал ефрейтор. — Покойников носить еще не доводилось.

— Не бойся. Мертвые не кусаются, — усмехнулся я.

— Рядовой Петренко! — скомандовал ефрейтор. — Смирна!

Рядовой застыл, вытянувшись в струнку.

— Почему крючок на воротнике расстегнут?! Почему бляха ремня болтается! Оборзел?!

Рядовой Василий Петренко быстро устранил недостатки, замеченные старшим по званию. Мы поднялись в квартиру.

— Марина, у нас ничего не получилось, — сказала Екатерина Игнатьевна. — Придется, как и сказал Макс, сделать этот проклятый вид на жительство. Только после этого можно будет получить свидетельство о смерти и похоронить Сергея, как подобает.

— Какой кошмар! — сказала Марина.

Марине было тридцать шесть лет. Она была очень красива. Семь лет назад они встретились с моим братом, полюбили друг друга и поженились. И были так счастливы, что даже мы с Альбиной им завидовали. Особенно после того, как наш сын Антон уехал учиться в Киев. Дом наш опустел, и мы часто приходили играть с Борькой и Леночкой.

На Марине не было лица. Оно словно превратилось в высохший осенний лист, пожелтело и осунулось. Ей Богу! Мой покойный брат выглядел сейчас лучше нее.

— Марина, — сказал я. — Нам надо сделать фотографии. — Полковник, знакомый Екатерины Игнатьевны, дал нам в помощь двух бойцов.

— Делайте, что хотите, — сказала Марина, и ушла в комнату к детям.

— Евгений, Василий, давайте, — сказал я.

Двое бойцов несмело приблизились к постели, на которой лежал мой брат. Я отбросил простыню. Оказалось, что Сергей лежит совершенно голый. Видимо, после осмотра врача скорой никто не догадался его одеть.

— Черт! — сказал ефрейтор Евгений.

— Я тебе дам черта! — пригрозил я. — Марина!!!

Вчетвером мы одели Сергея в костюм, Марина повязала ему галстук и одела туфли.

— Шубу одевать не будем? — спросила она и посмотрела мне в глаза.

Когда я увидел ее взгляд, у меня все внутри перевернулось. Я обнял ее. Но она резко оттолкнула меня, и убежала.

— Переживает, — сказал я молодым милиционерам. — Давайте, поехали.

Милиционеры, хотя и жаловались на то, что не имеют достаточного опыта по перемещению покойников, видимо, упорно стажировались на своих пьяных в стельку друзьях. Они встали по обе стороны от Сергея, закинули его руки себе на плечи, и быстро снесли его вниз по лестнице с третьего этажа. Усадить в машину оказалось несколько сложнее: тело уже окоченело. Но и с этим ребята справились. Правда, похоже, на теле моего брата появилось несколько кровоподтеков. Впрочем, я слышал, что молодых милиционеров специально учат бить так, чтобы не оставлять синяков. Интересно, работает ли эта техника на мертвых? В иностранных детективах следователи всегда умеют отличать синяки, полученные после смерти, от синяков, поставленных до нее. Интересно, украинские патологоанатомы умеют это делать? Теперь на заднем сидении посередине сидел мой мертвый брат, а слева и справа от него — два молодых милиционера.

Я сел за руль, и мы поехали по направлению к фотоателье.

В фотоателье посетителей не было, и я даже обрадовался тому, что в этот раз не нужно стоять в очереди. Евгений и Василий занесли моего брата по той же самой технологии, правда ноги у него при этом до конца не выпрямились, что, впрочем, облегчило усаживание покойника на стул.

— Нужно сделать фотографии 35 на 45 миллиметров, площадь лица 70% от площади фотографии, цветные, глянцевые, — сказал я девушке, сидящей за стойкой.

Девушка испуганно посмотрела на меня.

— Кому надо сделать?

— Да вот ему, — показал я на покойного.

— Павел Михайлович! — закричала девушка, и скрылась за дверью.

Через несколько секунд в проеме двери появился Павел Михайлович, грузный седой, в больших очках, выпущенных еще в СССР, в толстой пластиковой оправе, удивительно уродливой с точки зрения современной моды.

— Что у вас тут? А! Умер в сорок пять лет?

— Как Вы догадались?

— Вы думаете, Вы первый с этой проблемой? — усмехнулся Павел Михайлович.

— Несите, усаживайте. Сейчас веки будем приклеивать, чтобы глаза открытые были. Я за клеим схожу.

Девушка, робко вернувшись за стойку, спросила:

— Сколько штук делать будем?

— Давайте двенадцать, — сказал я.

Девушка выписала мне квитанцию.

— Сто пятьдесят гривен, — пропищала она.

Я положил на стойку двухсотгривневую купюру и взял сдачу.

Сергея усадили на стул, стоящий спиной к серому фону.

— Молодые люди, — сказал Павел Михайлович, — я вам сейчас покажу, как надо его держать, чтобы ваши руки в кадр не попали, и чтобы он не завалился. Встаньте по обе стороны от него на одно колено. Лицом к нему. И держите ладонями за плечи. Вот так. Теперь я приклею веки.

Павел Михайлович одел медицинские перчатки, приподнял левое веко покойного и ловко приклеил его быстро сохнущим клеем. Потом он проделал ту же операцию с правым веком. Но глаза у брата закатились под лоб.

— Придется глаза опустить, — сказал Павел Михайлович. — Вы не против?

— Конечно. Все должно быть идеально, — сказал я. — Второго шанса подать документы у нас не будет.

Павел Михайлович залез пальцами под веки Сергея, и поставил глаза на место.

— Теперь держите, — сказал он, отходя. — Держите хорошо. Второй раз снимать не буду.

Он встал за фотоаппарат.

— Чуть левее его поставьте. Много. Чуть правее. Ага.

Вспышка осветила лицо покойного, и его глаза снова закатились под лоб.

— Хорошо получилось, — сказал Павел Михайлович, просматривая снимок на экране цифрового фотоаппарата. — Пять минут, все сделаю. Вы пока можете уносить.

— А глаза закрыть? — спросил я.

— Да зачем? — сказал Павел Михайлович. — Сами отклеятся. Печатать как обычно, 70% лица?

Евгений и Василий взяли Сергея под плечи, подняли. Ноги у покойного окончательно застыли в сидячем положении. Поэтому когда они донесли его до двери, создалось впечатление, что это Сергей напрыгнул сзади на двух мирно выходящих из фотоателье милиционеров.

Девушка, сидящая за стойкой, мелко и часто крестилась и шептала молитвы.

Я вышел из ателье через пять минут, держа в руках конверт со сделанными снимками, и мы поехали в ОВИР сдавать документы.

Очередь на лестнице уменьшилась по сравнению с утренним временем.

Теперь на лестнице перед дверью ОВИРа стояло всего четыре человека. Мужчина, который тяжело опирался на две трости с подлокотниками, женщина в синем пуховике, маленький плешивый старикашечка в кепке и апатичный молодой человек.

— Что Вы делаете?! — воскликнула женщина в синем пуховике.

— Ему сорок пять. Он умер. Ему нужно поменять вид на жительство, чтобы получить свидетельство о смерти, — объяснил я. — И по закону это надо сделать лично.

— Господи! Да пройдите хотя бы без очереди!

— Как это без очереди! — тут же возмутился маленький плешивый старикашечка в кепке. — Мы все тут стоим. Может, я тоже уже покойник?!

— Ладно, постоим, — решил я.

— Все бы ничего, — сказал мужчина с тростями. — Только стоять тяжело.

— А что с Вами?

— Полиневрит. Отнялись обе ноги несколько месяцев назад. Сейчас учусь ходить заново. И вот, документы надо сделать. Не знаете, есть здесь копировальный аппарат?

— Не знаю, — ответил я.

— Копировальный аппарат есть только в двух кварталах отсюда, — сказала женщина в синем пуховике.

— Так далеко я не дойду, — сказал мужчина с тростями.

— Я довезу, если надо будет, — предложил я. — В машине переднее сиденье свободно.

— Спасибо Вам за предложение, — грустно улыбнулся мужчина. — Но я бы не хотел ехать в одной машине с покойником.

— Понимаю, — сказал я.

— У меня муж и сын оказались в больнице после автомобильной аварии, — сказала женщина в пуховике. — И тоже все нужно сделать срочно.

Из дверей наверху показался мужчина, который держал в руках украинский паспорт и зачем-то размахивал им как веером. Он спустился вниз. Затем появился еще один мужчина с паспортом, который делал то же самое движение.

— Что они делают? — спросил я.

— Сушат подпись. Надо двадцать минут махать паспортом, чтобы она высохла, — пояснил апатичный молодой человек.

— Это что, какой-то ритуал? — спросил я.

— Если этого не сделать, то тушь размажется. И придется заново все эти круги ада проходить, — пояснил молодой человек. — Это как раз мой случай. Все пришлось делать заново. Паспорт с размазанной подписью недействителен.

На лестнице мы стояли недолго, всего минут пять. Потом, в коридоре, пришлось ждать еще около тридцати минут. Евгений и Василий устали, опустить покойника на пол в тесном коридоре они не могли, а сесть было просто некуда. Глаза покойника все еще были открыты. И от сотрясений и тепла ноги постепенно начали выпрямляться, а глаза — опускаться вниз. Когда мы внесли покойного в кабинет инспектора, та взглянула на моего брата и сказала.

— Ну вот, а говорили, умер. Как живой!

Наверное, это была шутка. Но мы не смеялись.

— Давайте документы, — сказала инспектор.

Я поразился тому, как уверенно она себя ведет. Рядом с покойником многих людей охватывает страх, или они проявляют какие-то признаки беспокойства. Но на лице инспектора читалась только полная уверенность в ее абсолютной правоте и в законности ее действий.

— А справка о несудимости где? — спросила инспектор.

— Я принесу. Она будет готова только завтра в 16-00.

— Завтра у нас не приёмный день, — напонила инспектор. — Вы сможете только 9-го января приобщить ее к пакету документов.

— Я понимаю, — кивнул я.

Инспектор взяла четыре фотографии и, достав из своего стола специальный прибор, похожий на большой степлер с окошечком, отрезала три из них, а четвертую сложила обратно в конверт и вернула мне с остальными.

— Вот здесь надо, чтобы он сам расписался, — сказала инспектор, распечатав заявление.

— Но как?

— Водите его рукой, как же еще?!

— Водить... извините..., — не понял я.

— Сажайте его сюда, — указала инспектор. — Ручку вот так приклеиваем малярным скотчем к руке. Теперь водите его рукой. Только везде одинаково расписывайтесь.

Я водил рукой брата, оставляя на документах подпись.

— Теперь давайте пойдём платить штраф.

— Но он ничего не нарушил, — сказал я.

— Нарушил. Режим пребывания иностранца на территории Украины. Пойдемте, не морочьте мне голову.

Я вышел, мы с инспектором прошли сквозь толпу ожидающих в коридоре, подошли к кассе, инспектор распорядилась, чтобы меня пропустили без очереди. Я заплатил 510 гривен штрафа. Когда мы вернулись, инспектор приобщила к делу эти квитанции.

— Так-с... Не хватает только копии вида на жительство.

— Я отдал копию для получения справки о несудимости, — сказал я. — И забыл сделать еще одну.

— Принесете вместе со справкой, — милостиво согласилась инспектор. — Получать будете в центральном ОВИРе через две-три недели.

— Но нам нужно похоронить его, — сказал я. — Он три недели не протянет.

— Сдайте тело в морг, — сказала инспектор. — Все так делают. Кстати, у него еще загранпаспорт скоро заканчивается. Вам надо в консульство России подъехать, решить там все вопросы.

— Подъеду, — кивнул я. — А что там за процедура?

— Это же консульство Российской Федерации. Мы не знаем.

— Хорошо. А, может, все-таки можно как-то ускорить? Ну, Вы понимаете. Я бы заплатил за ускорение.

Я достал из бумажника и протянул ей двести гривен. Инспектор взяла деньги, повертела их в руках, положила себе на колено. Потом позвонила кому-то.

— Аня, там можно будет ускорить получение вида на жительство? У меня тут покойник в сорок пять лет... Ага... Хорошо. Хорошо. Возможность есть. Вам надо будет 9 января, после праздников, подъехать к Анастасии Семеновне. Вот телефон, вот адрес. Там договоритесь об ускорении. А это возьмите. От нас ускорение не зависит.

Инспектор протянула мне обратно двести гривен. Я взял их. Не ожидал, что инспектор откажется от денег. Хотя, может быть, было слишком много свидетелей?

— Да, тут у вас неувязок в документах, — сказала инспектор. — У Сергея срок действия загранпаспорта истекает 11 января этого года, видите?

— Да.

— По закону вид на жительство может быть выдан только если загранпаспорт действителен в течение полугода. Поэтому заверенные нотариусом копии паспорта не подойдут.

— Но что же делать? — спросил я.

— Поезжайте в консульство Российской Федерации. Там могут помочь.

— Я постараюсь до девятого января все выяснить, — сказал я. — Пусть пока у Вас будет сделанная копия его загранпаспорта.

— Я не возражаю. Но Вы понимаете, что ее надо будет заменить на копию нового действительного документа?

— Может быть, есть возможность продлить срок действия загранпаспорта, — робко предположил я.

— Может быть. Узнавайте.

И в это время все почувствовали резкий запах мочи. Брюки Сергея стали мокрыми. Мокрым стало и сиденье стула, на который его усадили, моча потекла и по полу.

— Что это вы тут устроили?! — возмутилась инспектор, выходя из-за стола. — Вон из моего кабинета! Думала, культурные люди! Кто же с покойником по инстанциям ходит, не освободив ему мочевого пузыря!

Она набрала номер телефона и крикнула в трубку:

— Уборщицу ко мне, быстро!

Я кивнул Евгению и Василию, и мы удалились из кабинета инспектора. Пройдя сквозь толпу, которая инстинктивно расступалась перед покойником, мы сели в машину. Я набрал телефон Марины.

— Марина, они могут ускорить получение вида на жительство. Но договориться об ускорении можно только 9 января.

— Приезжай побыстрее, Макс. Милиция снова здесь, — сказала она и повесила трубку.

Мы приехали к дому Сергея. Было уже четыре часа. Наступали сумерки. С неба сыпался мягкий снег. В неосвещенном дворе многоэтажки двое милиционеров выгружали из моего автомобиля негнувшийся труп Сергея. А я стоял и смотрел на эту картину как бы со стороны. Я думал, что сегодняшний день еще не закончился, и что он,

наверное, один из многих дней хождения по кругам ада, которые мне еще предстоят. Навалилась страшная усталость, так что подкашивались ноги. Захотелось выпить.

— Давай-ка, Евгений, я тебя заменю, — сказал я ефрейтору. — Сгоняй в магазин по-дружески, купи водки и коньяк подороже, и еще чего-нибудь, что самому понравится.

Я дал молодому милиционеру около тысячи гривен. Тот взял под козырек и растворился в сумерках.

У подъезда стояла труповозка.

— Это ваш клиент, — сказал я, подходя к водителю.

— В курсе. Только Вы наверх поднимитесь. Следователь с санитарями там.

Я поднялся на третий этаж. Дверь квартиры была распахнута. Я вошел.

— А! Это вы, наконец! — воскликнул старший лейтенант. — А где покойный?

— Внизу, у труповозки, — сказал я.

— Я оставил супруге покойного адрес морга, в котором он будет. И вот вручаю повестки на допрос Вам и Марине Ивановне. Явитесь десятого января по указанному адресу. Распишитесь.

Услужливый лейтенант показал, где расписаться. Мы с Марией расписались.

— И это все? — спросила Марина. — Я больше не увижу Сергея?

— Ну что Вы! Увидите, конечно, — сказал старший лейтенант. — На похоронах увидите. И в морг к нему можете приходить, навещать.

В комнате детей слышался голос няни. Она читала им сказку. Хотя бы у этих двух маленьких существ сегодня не настолько кошмарный день. Я спустился с милиционерами и санитарями вниз.

Рядовой Василий и водитель пытались разогнуть ноги покойнику. На холоде у них это не очень получалось. Один глаз Сергея уже отклеился, но второй смотрел на всех нас равнодушно-осуждающе.

Мне стало жутко.

— Кстати, — сказал старший лейтенант. — Вскрытие — услуга платная, как и хранение. Вы подъедьте завтра, оплатите.

— Сколько там может быть?

— Гривен четыреста за вскрытие, а за хранение по двести в сутки, если они цены не подняли, — сказал старший лейтенант. — Да, еще рекомендую обезводить и забальзамировать труп по ходу вскрытия.

— Обезводить? — спросил я.

— Ну да, легче будет его по инстанциям таскать.

Я кивнул головой.

— Да он у вас не разогнется теперь, — ругнулся один из санитаров. — Кто же так с усопшими-то обращается!? Нехристи!

Санитары быстро справились с покойным, буквально за минуту они уложили его в машину и закрыли за собой заднюю дверь. Когда Марина спустилась вниз, труповозка и милицейская машина уже отъезжали от дома.

Тихо падал снег. Ефрейтор Евгений показался в дальней части двора. В его руках белел и позвякивал на весь двор пакет. Он шел от одного освещенного окна к другому и как бы мерцал в снегу, то становясь освещенным, то прячась в тень. Только пакет,

покрытый светоотражающей краской, сиял в его руках. Было в появлении ефрейтора Евгения что-то мистическое. Внезапно мне захотелось уехать на свою дачу. Восемьдесят километров от города. Рядом лес, часть которого заходит на мой участок земли, с другой стороны мой участок выходит на реку. В целом у меня больше двух гектар. Мне захотелось приехать туда, закрыться в своем двухэтажном доме, окруженном грушами, яблонями и персиковыми деревьями, или выйти из дома и разжечь открытый камин на небольшой выложенной камнем площадке во дворе. И просто сидеть, смотреть на огонь, потягивая дорогой коньяк. Я же архитектор. Я творец. Вся эта возня с трупами, даже если это труп моего родного брата, убивает во мне все живое, возвышенное и совершенное. То, что лелеется и взращивается трудом, слезами и радостью вдохновения. Не знаю, смогу ли я вообще творить после всего этого ада, в который меня погрузили проклятые бюрократы. И как можно вообще творить что-то прекрасное в этой стране?! Раньше я не думал об этом. Просто делал свое дело. Но сейчас я вдруг начал понимать, что надо уезжать отсюда. Как можно дальше. Бежать, не оглядываясь. Потому что жить на одной территории с этими бюрократическими чудовищами равносильно самоубийству.

Ефрейтор Евгений, наконец, подошел к нам.

— Поднимайтесь, товарищ ефрейтор, — сказал я. — И Вы, товарищ рядовой, тоже. Будем пить.

Марина плакала.

— А где Альбина? — спросил я.

— Она с Екатериной Игнатьевной, — ответила Марина сквозь слезы. — Маме стало плохо от всего этого.

Мы поднялись наверх. Теща Сергея сидела на кресле в своей комнате, бледная. Альбина суежилась рядом с нею. В комнате пахло корвалолом и валерианой.

— Как Вы, Екатерина Игнатьевна? — спросил я.

— Сережу увезли? — спросила она.

— Увезли, — подтвердил я.

— Какие же выродки, прости господи! Какие подонки! Ты слышал, Макс? Они пытаются отработать версию, что Марина убила Сергея.

— Подонки. Может быть, Станислав Михайлович сможет на них повлиять? — спросил я.

— Стас всегда был последним трусом! Конечно, я его попрошу. Но он фантастический трус, и вряд ли осмелится хоть что-нибудь сделать! Но я попрошу. Они все подонки и трусы. Господи, боже мой! Как их только земля носит! И ведь все завтра уйдут отмечать Рождество Христово, как будто бы так и надо! Макс, может и нет никакого Бога?! Как бы он терпел на земле таких выродков?!

— Успокойтесь, Екатерина Игнатьевна, — ворковала Альбина.

— И правда, Екатерина Игнатьевна, — сказал я. — Давайте-ка Вы потихоньку вставайте. Пойдемте на кухню лекарства пить. Тут ефрейтор Евгений нас угостить решил. Сегодня тяжелый был день.

— Пожалуй, действительно, надо чего-нибудь выпить, — решительно сказала Екатерина Игнатьевна, поднимаясь с кресла. — Умереть я еще успею!

Утром я решил съездить в консульство России, чтобы прояснить вопросы, связанные со смертью моего брата. Чудом было то, что 6 января консульство работало. Правда, только с 9-00 до 13-00. Я подъехал к зданию консульства и припарковал автомобиль напротив ворот. У ворот уже стояли люди, более двадцати человек. Охранник, стоящий на входе, подошел ко мне и сказал:

— Добрый день! Здесь парковаться не положено. Пожалуйста, уберите машину.

— А где парковка? — спросил я.

— Можно запарковаться вон там, — сказал охранник.

Я развернулся и поехал искать свободное место. У шлагбаума, на который показал охранник, мне назвали цену в 15 гривен за час, и я решил, что, пожалуй, поищу бесплатное место. Оно нашлось на расстоянии двухсот метров от консульства. Выйдя из машины, я направился к воротам. Сумку с документами я нес в руке. Подойдя к воротам, я привычно спросил: «Кто последний?». И мужчина кавказской внешности отозвался на мой вопрос поднятием руки. Ждать оставалось недолго, но на улице было довольно холодно. Когда охранник открыл ворота, выяснилось, что пускает он только по предъявлении паспорта гражданина Российской Федерации.

— Вот паспорт моего брата, — сказал я.

— А Ваши документы?

— У меня есть права.

— Цель визита?

— Мой брат умер. Нужно прояснить все вопросы, связанные с этим.

— А Вы — гражданин России?

— Нет. Я — гражданин Украины.

— А Ваш брат — гражданин России?

— Да.

— Не положено пускать не граждан России.

— Вы не находите, что мой случай исключительный?

— Отойдите в сторону, подождите, я пропущу остальных.

— Не собираюсь я отходить в сторону, — сказал я. — Мой брат умер. И я приехал, чтобы представлять его интересы в Вашем ведомстве.

Охранник нехотя снял с пояса рацию, нажал кнопку.

— Тут гражданин Украины пришел, у него брат, гражданин России, умер. Пустить?

— Цель визита?

— Что-то хочет выяснить насчет его смерти.

Рация выжидающе шипела несколько секунд.

— Хорошо, пусти. Сообщи третьему.

— Проходите, — сказал охранник.

Нас пустили во двор консульства, где было так же холодно, как и снаружи. Здесь же выяснилось, что живая очередь, в которую вставали люди с той стороны ворот, лишена всякого смысла, поскольку во внутреннем дворике стоит айбокс с функцией электронной очереди. Правда, в меню было всего две кнопки: «Прием документов» и «Выдача документов». Я подумал, что формулировки странные. Кроме того, меню выглядело слишком неполноценным. Я нажал кнопку «Прием документов» и получил номер 23.

Ждать на холоде пришлось долго. Через полчаса я подошел к охраннику и спросил, где тут можно погреться. Он посмотрел на меня взглядом, каким, наверное, смотрят на людей вампиры, и сказал: «Дышите глубже, согреетесь. Если уйдете и пропустите очередь, придется стоять заново». Я подумал плюнуть на все и уехать, но потом все-таки решил дожидаться. Когда на экране высветился мой номер, и я вошел в консульство, я замерз настолько, что уже не чувствовал кончиков пальцев на руках. Я подошел к окошку, рядом с которым высветился мой номер, и положил в углубление документы своего брата.

— У меня вопрос, — сказал я плохо слушающимися губами. — Мой брат, гражданин РФ, умер. Третьего января ему исполнилось сорок пять лет. По этой причине его внутренний паспорт недействителен. А срок действия загранпаспорта истекает 11 января. И чтобы получить свидетельство о смерти, ему нужен новый вид на жительство. А вид на жительство нельзя сделать, если у него недействителен загранпаспорт.

— Чего Вы хотите? — спросила сотрудница консульства.

— Я хотел спросить, можете ли Вы в ускоренном режиме сделать новый загранпаспорт моему мертвому брату или продлить срок действия этого паспорта.

— Я спрошу, — сказала девушка. — Подождите здесь, не отходите от окошка.

Она скрылась где-то в глубине здания. Я почувствовал, что мои ноги начали согреваться, по ним побежали щекотливые мурашки. Наконец, девушка появилась.

— Мы не можем сделать ни того, ни другого, — сказала она. — Недействителен внутренний паспорт гражданина РФ. Вам нужно поменять внутренний паспорт.

— Это можно сделать у Вас в консульстве? — спросил я.

— Нет, по закону о паспорте гражданина РФ, по достижении сорока пяти лет граждане должны обратиться в любое отделение ФМС России. Сделать это следует в тридцатидневный срок с момента наступления события, то есть если 3 января ему исполнилось 45 лет, уже 4 января его внутренний паспорт стал недействителен, то до 3 февраля включительно надо обязательно подать документы на новый паспорт. А учитывая, что срок действия загранпаспорта истекает 11 января, ему необходимо в срок до 11 января вернуться на территорию Украины, иначе на границе его не пропустят в связи с тем, что загранпаспорт уже недействителен.

— То есть, мне вместе с мертвым братом надо поехать в Россию? — спросил я.

— Ему необходимо подъехать в любое отделение ФМС, находящееся на территории Российской Федерации.

— Но он же умер!

— По закону гражданин должен лично сдать документы на замену паспорта.

— И куда же нам с ним ехать?

— Ближайший город — Белгород. Когда получите новый гражданский паспорт, приходите, сделаем загранпаспорт.

— А сколько изготавливают новый внутренний паспорт? — спросил я.

— Стандартный срок два месяца. Но возможны задержки.

Девушка вернула мне документы с помощью металлического ящика.

— Что же получается, все граждане РФ, где бы они ни находились, в сорок пять лет должны ехать в Россию? — спросил я.

— Я Вам уже все объяснила. Вам что-нибудь непонятно?

— А если гражданин РФ находился в Австралии? И там умер сразу после сорокапятилетия? Ему что, лететь в Россию?

— Законодательство Российской Федерации доступно в Интернете. Ознакомьтесь. Девушка нажала кнопку, на экране загорелся номер «24». Мое время истекло.

— Я хочу поговорить с другим сотрудником консульства! — крикнул я. —
Пожалуйста, пусть кто-нибудь выйдет сюда!

— Ждите, — сказала девушка.

Я опустил на стул. Меня трясло. Слегка подташнивало, и кружилась голова. Сотрудник консульства, молодой человек в красивом голубом жилете, одетом поверх идеально выглаженной белой рубашки, появился через десять минут.

— Мне сказали, что я должен...

— Успокойтесь. Я знаю всю Вашу ситуацию.

— И что же мне делать?

— У Вас два варианта. Ехать вместе с братом, поскольку по документам он живой. Либо оформить брата как груз «двести», перевезти через границу, предъявить его в любом отделении УФМС России, чтобы выполнить норму закона о том, что гражданин должен явиться лично, подать заявление на замену внутреннего паспорта.

— Постойте. Это же абсурд. Зачем мертвому обновлять внутренний паспорт?

— Таков порядок.

— А почему нельзя оформить внутренний паспорт в консульстве?

— Мы этим не занимаемся. Таков порядок.

— Но есть же какое-то объяснение?

— Это просто нормы действующего законодательства.

— Но какому идиоту пришло в голову, что граждане России, живущие за границей, должны в сорок пять лет все бросить и ехать на территорию России, чтобы обменять внутренний гражданский паспорт? Почему его нельзя сделать и прислать человеку курьерской почтой в любую точку мира?

— Это вопрос не к нам, мы всего лишь выполняем закон.

— Но мой брат умер, понимаете? — сказал я. — Умер в ночь на 5 января.

— Вы уже говорили. В любом случае, мы не сможем ничем помочь, пока у него не будет действующего внутреннего паспорта гражданина Российской Федерации.

Дальше я не слушал. Меня охватил приступ паники и одновременно приступ тошноты. Я извинился и выбежал на улицу, где склонился над стоящей во дворе урной и изверг из себя все содержимое желудка. Потом я сидел возле заблеванной урны и вдыхал морозный январский воздух, пытаюсь отдышаться. И в этот момент мне в голову пришла идея. Хорошая идея.

Охранник консульства подошел ко мне и поинтересовался:

— Вам плохо? Нужна помощь?

— Нет, мне уже лучше, — ответил я, поднимаясь и вытирая губы.

Я дошел до машины и набрал номер следователя.

— Доброе утро, старший лейтенант. Это Макс.

— Доброе.

— Уже есть результаты вскрытия и справка о причинах смерти?
— Результаты есть. Справку оформляем. Причина – скоротечный инфаркт неясной природы.

— Значит, подозрения с нас снимаются?

— Пока рано об этом говорить. Вот Вы когда на допрос придете, мы во всем разберемся.

— Могу я уже забрать тело брата?

— Я думаю, можете. Через несколько часов. Кстати, Вам надо будет оплатить услуги.

— Да, я все оплачу.

Я положил трубку и набрал номер похоронного бюро.

— Добрый день. Мы виделись вчера. Меня зовут Макс.

— Да, Макс, я Вас помню.

Голос у моего собеседника был все такой же безжизненный.

— Я хочу заказать у Вас совершенно особенную церемонию и хорошо заплачу за полную секретность.

— Приезжайте.

— Буду через полчаса.

Пока мы решили все вопросы с агентством ритуальных услуг, настало время ехать за справкой о несудимости. Я сделал копию вида на жительство, подъехал в Александровский переулок, и увидел толпу около сорока человек, которая штурмовала нужную мне дверь.

Пожалуй, вчера я ошибся в расчетах прибылей УВД. Приуменьшил эффективность бизнеса по торговле подписанными листочками бумаги. Я вышел из машины и попытался протиснуться внутрь. Бесполезно. Моего здоровья для этого было недостаточно. Но скоро толпа начала рассасываться, из нее вырывались на свободу счастливые обладатели белых листочков. Сквозь шум я услышал свою фамилию и закричав «Я здесь!», ринулся сквозь толпу. Меня пропускали, как будто бы звук моей фамилии пробил для меня индивидуальный тоннель. Я схватил листочек и выбежал на улицу. Еще один документ для вида на жительство моего брата был у меня в руках.

Я забрал этот листочек с печатью и подписью не для того, чтобы нести его в ОВИР и приобщать к пакету документов моего умершего брата. Больше я не пойду в ОВИР, и не поеду в Белгород. Мой мертвый брат заслуживает лучшей участи. Я больше не буду играть в бюрократические игры, и не стану больше мучить мертвое тело Сергея.

Я поехал в морг. Старший лейтенант, недовольный тем, что ему пришлось меня ждать, хмуро отдал мне документы. Я оплатил полторы тысячи гривен патологоанатому и сказал, что за телом моего брата завтра утром приедут.

— Вообще-то завтра выходной, — сказал патологоанатом. — И здесь никого не будет.

— Давайте я заплачу еще четыреста гривен, и Вы будете здесь в десять утра.

Договорились?

— Ладно, сделаем исключение, — согласился патологоанатом.

Когда я вернулся в квартиру Марины и Сергея, уже смеркалось.

Марина, уставшая, изможденная, сидела в кресле, опустив руки и сгорбившись. Она за эти два дня постарела на несколько лет. Екатерина Игнатьевна ухаживала за нею, как за больной, уговаривая хотя бы что-нибудь покушать: на журнальном столике стоял небольшой поднос с бутербродами, и испаряла манящие ароматы тарелка куриного супа с лапшой.

Детям снова позвали няньку, я слышал, как она играла с ними в их комнате.

— А где Альбина? — спросил я.

— Уехала взять что-то из дома, — сказала Екатерина Игнатьевна. — Звонила, что будет скоро.

— Я хочу поговорить, — сказал я, присаживаясь рядом с Мариной.

— Да, Макс.

— Я подумал, что мы можем устроить похороны, которых достоин мой брат, не получая никаких разрешений. Ни от кого.

— Это как? — спросила Екатерина Игнатьевна.

— Очень просто. Наша с Альбиной дача находится в достаточно уединенном месте, Вы там бывали. У нас почти два гектара земли, которая находится в нашей частной собственности. Может быть, Вы не помните, но на севере нашего участка возле леса есть красивый холм, на вершине которого растут деревья. Мы можем устроить похороны завтра.

— Но завтра рождество, — сказала Екатерина Игнатьевна.

— Сергей не был христианином. И я тоже не христианин. Если это для вас важно, я готов договориться на другой день. Главное, что мы можем все сделать сами, не проходя все эти круги ада. Я уже обо всем договорился с похоронным агентством. Вы согласны?

Женщины смотрели на меня изумленно. А Марина — даже радостно.

— И мы правда можем это сделать? — спросила она.

— Никто не сможет нам этого запретить.

— Макс, конечно, я согласна. Спасибо тебе.

— Екатерина Игнатьевна?

— В неосвященной земле?

— Мы освятим эту землю.

— Без священника? — сказала Екатерина Игнатьевна.

— Будет священник. Хотя Сергей и не был крещеным.

— Хорошо, — сказала Екатерина Игнатьевна. — Тогда почему бы нам не сделать там семейное кладбище?

— Действительно, — сказал я. — Конечно, это наверняка нарушит кучу законов. Но после того, что они все устроили нам вчера и сегодня, плевать я хотел на их законы.

— И действительно, — сказала Екатерина Витальевна. — Вся страна живет по анонимкам, не зная авторов законов. Похоже, что авторы законов трусливо прячутся, чтобы избежать ответственности за все творящееся вокруг безумие. Честно скажу, я бы лично убила кретинов, которые пишут законы для этой страны!

— Идут они в жопу, Екатерина Игнатьевна!

— В жопу! — согласилась Сережина теща.

Раздался звонок в дверь. Это была Альбина. Я помог ей раздеться.

— Предложить тебе чаю? — спросил я.

— Да. С удовольствием. Пока доехала на маршрутке, вся замерзла.

Она прошла в гостиную, потирая замерзшие руки. Я пошел на кухню, поставил чайник, вернулся в гостиную.

— Как ты съездил по делам, Макс? — спросила Альбина.

— У меня есть решение всех наших проблем.

Я рассказал Альбине о нашем решении.

— Это гениально, Макс! — сказала Альбина. — И почему мы сразу об этом не подумали?

— Хотели как лучше. По закону и так далее, — сказал я. — Но когда мне в русском консульстве стали рассказывать, что я должен вместе с моим умершим братом ехать в Россию, и что-то там делать в ФМС, меня сначала стошнило прямо во дворе консульства, а потом осенило.

— Да! В жопу это государство! — сказала Альбина.

— Вот и мы пришли к тому же выводу, — подтвердила Екатерина Игнатьевна.

— Давайте похороним Сергея так, как он этого заслуживает, — сказал я. — А потом будем не спеша решать все вопросы с документами. Свидетельство о смерти мы получим. Я уверен, что просто договорюсь с ЗАГСом, заплачу взятку или найду каких-нибудь знакомых. Просто мы все это сделаем без спешки. И без всего этого ужаса.

Сотрудники похоронного бюро хорошо выполнили свою работу. Был и батюшка, который освятил землю и помолился за покойного. Я не возражал. В конце концов, хотя Сергей и не был верующим, но религией он интересовался. Да и церковь, которая принципиально не молится за атеистов и некрещенных, выглядит, как мне кажется, не очень-то человечно. Правда, мы не сказали батюшке, что Сергей был некрещеным. И батюшка работал по полной программе.

Был дорогой гроб, был установлен временный памятник, который предстояло заменить, когда осядет земля. И были все мы: Марина с Борькой и Леночкой, Екатерина Игнатьевна, мы с Альбиной и нашим сыном Антоном. Каждый из нас сказал на похоронах короткую речь, стараясь вспомнить все то хорошее и светлое, что мы пережили вместе с Сергеем. Церемония так затянулась, что батюшка потребовал двойной гонорар за свою работу. Бог ему судья, но он получил даже больше, чем требовал.

В общем, мы проводили моего брата в последний путь так, как он этого заслужил: спокойно и с достоинством, нарушив все существующие законы. Потому что закон вместо уважения к смерти, создает суету и страдания, которых недостойны члены семьи умерших. Пусть земля будет пухом моему брату Сергею!

25 января 2013 года